

Последние радости и огорчения

III Международный Чеховский фестиваль будет, наверное, вспоминаться долго. Из памяти станут всплывать отдельные его спектакли, поразившие либо своей редкостной гармонией, художественной завершенностью, либо резким контрастом явленного и ожидавшегося. В ходе его более двухмесячного, чрезмерного, я бы сказала, марафона критические копы скрещивались нередко с беспощадной остротой. В какие-то моменты казалось, что подобно прорванной плотине поток спектаклей идет уже самотеком, без руля и без ветрил. Но даже стихийные бедствия не бесконечны. Театральные фестивали тем более.

Конечно, просмотреть все 53 спектакля на протяжении 67 календарных дней не смог, думаю, ни один самый истовый театральный критик, а уж рядовые зрители - тем более. Но и укорять за это устроителей фестиваля - руководство Конфедерации театральных союзов - воздержусь. Отбросив все издержки (в том числе и не всегда четкое обеспечение билетами критиков на отдельные спектакли), общая панорама современного театра в мире (20 стран Европы, Азии, двух Америк - Северной и Южной), представленная фестивальной афишей, впечатляет. За это - спасибо.

Чеховский по названию, фестиваль, естественно, явил прежде всего немалое число чеховских спектаклей - восемь, из которых фаворитом стала «Пьеса без названия» (в иных случаях «Платонов»), та, самая ранняя, юношеская пьеса Чехова, из которой вышли преобразованные чуть ли не все главные герои его последующих драматургических шедевров. Не буду возвращаться к тем спектаклям, о которых уже говорилось на страницах нашей газеты. Скажу лишь о неупомнутых.

Весьма любопытным, в чем-то неожиданным предстал «Дядя Ваня» Новосибирского городского драматического театра в постановке руководителя театра Сергея Афанасьева. Усадьба Войничких, которую, по словам дяди Вани, он на протяжении долгих лет бескорыстного труда сумел сохранить в достойном виде, предстает в изображении художника Владимира Фатеева убогим Домом-развалюхой со щелястыми стенами и дощатой лестницей без перил, ведущей на второй этаж. И это дом в 26 комнат, как свидетельствует текст пьесы!!! Обитатели дома тоже скорее похожи на однодворцев (были такие в прежние времена помещики-полукрестьяне, владевшие одним двором), нежели на настоящих господ. Очень молодым человеком, во всяком случае моложе своей жены и даже дочери, выглядит здесь «старый» (тоже по тексту пьесы) профессор Серебряков. Неудивительно поэтому, что его более опытная супруга, практически оценив окружающую обстановку, деловито занесла свои соображения в записную кни-

жечку, по которой потом, на общем сборе семьи, профессор, запинаясь на неразборчивом жеманном почерке, излагает якобы свой план продажи имения. Все же не какой-то «русалкой лени-

он, то уж пьяный работник - абсолютно точно. Вот до чего доводит опрощение господ и братание с «народом»!

О-о-чень любопытный спектакль получился, однако же ансамблевый, и в заданном режиссерском решении актеры весьма убедительны.

От Евгения Марчелли - режиссера непредсказуемого, оригинала, выдумщика, подбрасывающего зрителю свои спектакли-шарады, можно было ожидать, казалось бы, чего угодно, но только не такой красивой, «стильной», вполне «благоприятной» постановки «Пьесы без

ших английских пьес XX века, опубликованная, но никогда у нас не ставившаяся; постановщик - эстонский режиссер Эльмо Нюганен, покоривший Москву на II Чеховском фестивале спектаклем «Пианола, или Механическое пианино»; наконец, актеры - Алиса Фрейндлих, Андрей Толубеев, Петр Семак из Малого драматического театра и уже совершенная неожиданность - студентка театроведческого факультета Петербургского театрального института Катерина Горюховская, дебютирующая в главной роли юной Томасины Каверли, вундеркинда, влюбленного в своего домашнего учителя. Как тут было не ринуться

ном и одаренном всеми возможными премиями и знаками отличия. Это тоже «Пьеса без названия» Малого драматического театра, руководимого Львом Додиныным.

Если бы подобное «плавающее действие» в бассейне с подогретой водой и голыми фигурами, демонстрирующими нам все свои натуральные прелести, было поставлено молодым, никому не известным режиссером, я бы поняла и, может быть, даже безразлично приняла этот, извините меня, «выпендрей». Кто из молодых сегодня не гонится за славой, используя любые подсобные средства. Но зачем сие понадобилось маститому, прославленному Л.Додину, давно снискавшему всеобщее признание своими постановками по произведениям Федора Абрамова, таким человеческим, таким потрясающе проникновенным, таким простым и таким глубоким? Неужели Додин перестал верить самому себе, своему от Бога данному таланту?!

С позиций эффектности то, что построил на сцене художник Алексей Порай-Кошиц, действительно впечатляет. Особенно, когда к действию подключается еще и оркестр, а в сцене вечернего приема гостей у генеральши загорается иллюминация. Только, увы, за всеми этими водно-электрическими процедурами исчезли, словно и впрямь утонули в бассейне, те, ради кого приходит зритель на спектакли драматических театров, - герои спектакля, персонажи написанной автором пьесы. В данном случае, написанной не кем-нибудь, а самим Антоном Павловичем Чеховым. Отбрасываю мысль, что умный, тонкий режиссер Л.Додин счел необязательным бережно относиться к героям первой пьесы молодого, еще неопытного в драматургии Чехова. Тогда в чем же дело? Ну, ошеломил нас режиссер своим плавающим бассейном, погуляли актеры нагишом, а дальше что? Будут герои следующего спектакля с парашютом прыгать на летное поле, по дороге к земле выясняя отношения?

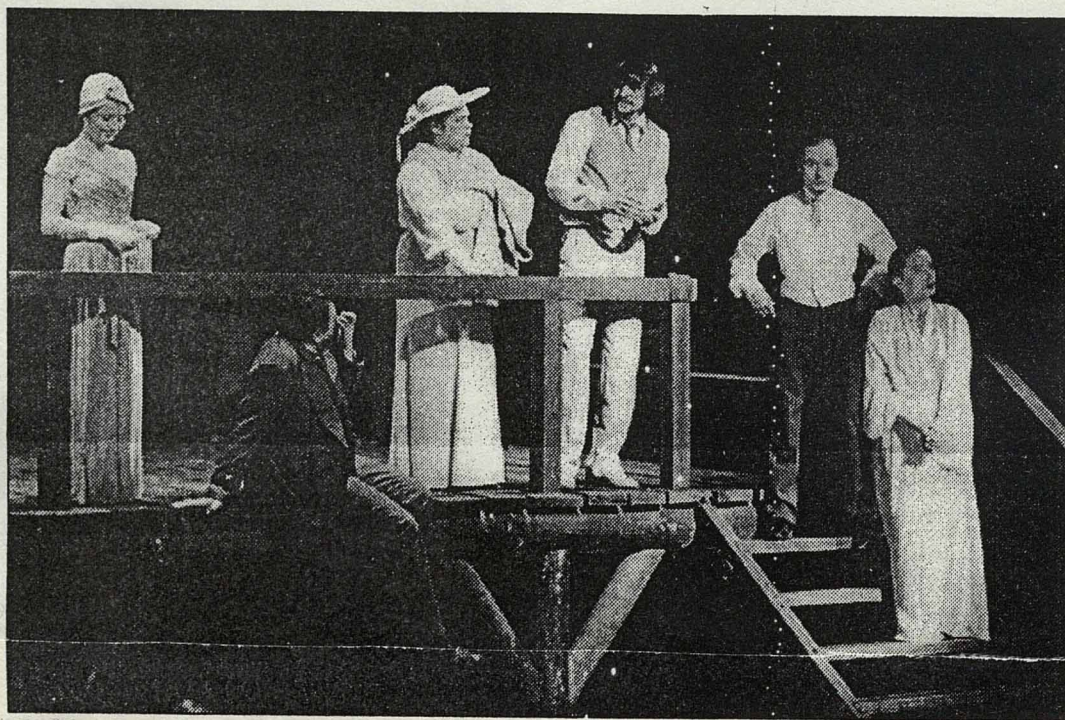
У многих моих коллег додинский спектакль вызвал бурю восторга. Не хочу вступать с ними в полемику - каждому свое. У меня свой, любимый, уважаемый Лев Додин. С ним и остаюсь. А другого, бегущего за модой, мне не надо.

Так и в Чеховском фестивале в целом мне дороже всего были спектакли, не ошеломляющие своей экстравагантностью, своим стремлением попасть «в струю», а умные, честные, открытые, где для режиссеров, их поставивших, главным был человек со своими мыслями, чувствами, душой. Чехов к тому обязывает.

Наталья БАЛАШОВА.

На снимке: сцена из спектакля «Пьеса без названия» (Малый драматический театр).

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

вой», а хваткой дамочкой оказалась на поверку эта Елена Андреевна.

Опростившиеся господа живут в тесном единении с простым людом. Что нянька Марина и приживал Вафля чуть ли не главные персонажи в доме, еще куда ни шло, но то, что и вечно пьяный работник - он тут и сторож, и кучер, и лакей - свой человек в общей компании - странно. Разве лишь по причине музыкальных склонностей - они с Вафлей составляют музыкальное сопровождение всего спектакля. А первый акт режиссер завершает вообще длительным концертом «художественной самодельности» всех персонажей, в котором у каждого свой сольный номер. Даже старуха Войничкая декламирует стихи, а самой голосистой выступает нянька Марина. Финалом же концерта становится хоровое пение «Дубинушки», столь эмоциональное, что сцене не хватает только красного знамени и булыжника - «орудия пролетариата». Пожалуй, можно опасаться, как бы дядя Ваня в революционном порыве собственными руками не подпалил родовое имение Войничких. А если и не

названия» (Калининградский драматический театр). Распахнув все пространство вахтанговской сцены, облачив персонажей в элегантные белые костюмы (художник Е.Сафонова), режиссер вкупе со сценографом явили картину простора, вольности, где должно легко и свободно дышаться людям. А они, такие аристократичные с виду, в обстановке видимого благополучия оказываются мелкими и ничтожными, одержимыми не страстями даже, а скорее инстинктами. Лучшее всего символизирует эту их жизнь трескучий, эффектный фейерверк, устроенный для гостей генеральшей Войничкой, такой же бьющий в глаза и такой же холодный, как ее наигранная любовь к Платонову.

Е.Марчелли еще раз изычно доказал, каким разным он способен быть.

Скристились критические копы (точнее сказать, перья, или, может быть, теперь уже компьютеры?) на спектакле «Аркадия» БДТ им.Г.Товстоногова (Петербург). Ажиотаж был колоссальный. Еще бы: пьеса Тома Стоппарда, признанная одной из луч-

театралам на такое изысканное зрелище. И переполненный до краев зрительный зал на протяжении четырех часов почти благоговейно смотрел и слушал это далеко не простое действие, в котором оказались сплетенными фантазией драматурга век нынешний и век минувший, перебегающие один в другой, где за научными изысканиями, предтечами будущих открытий, смутными догадками и неопровержимыми истинами затаилась глубокая, невысказанная любовь.

Конечно, можно найти немало отдельных недостатков, просчетов как в режиссерском решении, так и актерском исполнении «Аркадии». Но сколько бы их ни было, они не умаляют главных достоинств спектакля - его высокой сценической культуры, внутреннего благородства, ясности мысли, всегда отличавших товстоноговские работы и, слава Богу, продолжающих жить в стенах БДТ после ухода Мастера.

Лично для меня это стало особенно разительным после другого петербургского спектакля, показанного режиссером с более чем громким на сегодня именем, в театре, облакан-

Мед. А.Т.
(редактор)